
«ФАЛЬСИФИКАЦИЯ И ЕЕ ЖЕРТВЫ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА» Материалы заочного «круглого стола»

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ ЮГА РОССИИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (сравнительный анализ)

А.В. Баранов
(Россия, г. Краснодар)

Аннотация. *Определена роль исторического сознания как фактора формирования региональной идентичности в постсоветской России. Сравняются стереотипы исторического сознания на Юге России и Северном Кавказе.*

Annotation. *In this article the role of historical conscience as factor of regional identity formation in post-Soviet Russia is determined. The stereotypes of historical conscience in Southern Russia and Northern Caucasus are compared.*

Ключевые слова: *историческое сознание, региональная и этническая идентичность, сравнительный анализ, Юг России, Северный Кавказ.*

Key words: *historical conscience, regional and ethnic identity, comparative analysis, Southern Russia, Northern Caucasus.*

Особую актуальность представления о прошлом имеют в традиционных либо переходных обществах. Ведь именно история наиболее зримо и осязаемо воплощает в себе ценности традиционной картины мира. Прошлое не только дает таким социумам образцы поведения, но и являет собой сакрализованный и мифологизируемый архетип массового сознания, поддерживаемый благодаря разнообразным «каналам» социализации. Историческое сознание становится также актуальным во времена системных кризисов, сопровождаемых утратой либо расколом «духовного ядра» локальной цивилизации, когда преобладает инверсионное восприятие прошлого (или как сплошной «черной дыры», или «утраченного рая»).

Цель статьи – определить роль исторического сознания как фактора идентичности Юга России и Северного Кавказа. Чтобы достичь цель, необходимо: 1) дать определение региональной идентичности в качестве теоретической категории; 2) выявить обыденный и научный уровни исторического сознания на эмпирическом материале; 3) объяснить причины бытования исторических мифов в сознании.

Пределы исследования включают в себя нынешние Южный и Северо-Кавказский федеральный округ. В их пределах противоречия и тенденции регионализма проявляются наиболее весомо в России вследствие этнической и цивилизационной мозаичности территории. Временные рамки работы – с конца 1980-х гг. до наших дней – охватывают период легального плюрализма исторических воззрений.

Теоретическая основа статьи – инструменталистский подход, связывающий сознание идентичности с историческими факторами развития общества. Предполагается, что в основе самосознания индивидов, групп и общества лежат их долгосрочные интересы [3, с. 29].

Идентичность можно определить как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности к «своей» общности людей. Идентичность, согласно взглядам психолога Э. Эриксона, является главным интегративным качеством поведения индивида. Идентичность определяет приверженность своей цивилизации, религии, мировоззрению, исторической «картине мира», типу поведения. Идентичность «упорядочивает» окружающую нас действительность, создавая устойчивые комплексные образы «своего» и «чужого». Идентичность складывается не только на ин-

дивидуальном, но и на групповом и социальном уровнях [2, с. 41–42]. Значение идентичности определяют три важные потребности людей: в принадлежности к обществу, в позитивной самооценке и в безопасности. Идентичность всегда сочетает в себе два комплекса представлений – позитивный и негативный. Это объясняется самими мыслительными операциями разграничения и определения жизненных явлений. К глубоко архаичным пластам сознания восходят дуальные оппозиции «добро – зло», «порядок – хаос», «свой – чужой» и т.д. Следовательно, идентификация невозможна без сравнения партнеров общения, что позволяет ориентироваться в «упорядоченном» таким образом мире.

В зависимости от типа стратификационной системы и социокультурных условий идентичность может быть «жесткой» или «размытой». Социальные группы и индивиды проявляют в своем поведении многие виды идентичностей – этническую, половозрастную, религиозную, политическую, культурную, территориальную и т.д. Виды идентичностей взаимосвязаны и часто «накладываются» один на другой, усиливая чувство самобытности (этническая и религиозная, профессиональная и половая и др.).

В статье внимание сосредоточено на региональной идентичности, которая приобрела особую силу и значение в условиях глобализации и вызванного ею передела мирового политического пространства. Известно мнение П.А. Сорокина: «из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов, что придает им “общий характер”» [27, с. 210].

Ряд цивилизационных признаков (тип и уровень религиозности общества, индивидуализм либо корпоративизм, темп и тип развития) вызывает долгосрочные различия символов региональных идентичностей между собой. В.А. Ачкасов и С.А. Бабаев отмечают, что в процессе самоидентификации личность может быть ориентирована культурными стереотипами на идеальный образ настоящего, будущего или прошлого [2, с. 45–46]. Нацеленность на «золотой век» в прошлом побуждает создавать идентичность на основе идей общего этнического или расового происхождения, конфессии, обычаев, традиционных ценностей.

Сильное влияние на тип региональной идентичности оказывают также краткосрочные факторы: слабость общегосударственной идентичности в постсоветской России, сужение пространства повседневного жизненного цикла большинства россиян, амбиции региональных элит. С точки зрения текущей конъюнктуры идентичность можно рассматривать как «фактор политической легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона», как это делает Е.Ю. Мелешкина [21, с. 126].

В итоге взаимодействия долгосрочных и краткосрочных факторов во многих субъектах Российской Федерации сложился «паттерн регионального развития – исторически формирующийся тип воспроизводства региональной идентичности» (понятие ввели Г. Люхтерхандт, С. Рыженков и А. Кузьмин). По мнению этих исследователей, паттерн становится своеобразным «социокультурным кодом» региона и определяет тип его развития [17, с. 13–15].

Следует сделать важную оговорку: реальность намного богаче объяснительных схем. Часто встречается множественная идентичность (по определению Г. Маркса). Индивид может добровольно и искренне проявлять приверженность к нескольким реальным либо ментальным сообществам [32, р. 71–72, 86]. Методики политического анализа пока еще плохо «улавливают» стереоскопичность региональных идентичностей. Юг России и Северный Кавказ относятся к многочисленным «контактным зонам» цивилизаций, в которых обычно региональная идентичность наслаивается на этнокультурную и религиозную. Как отмечают Д. Мейберн-Льюис и К. Дженкинс, в таких общественных состояниях идет политизация этничности. Последняя используется как важная мотивация раскола общества, служит важным средством достижения политических целей [20; 31]. В российской этнополитологии, политической психологии и социологии наиболее системные исследования темы предпринимали М.Н. Губогло, В.А. Ачкасов и С.А. Бабаев, Л.С. Гатагова, М.В. Савва [2; 9; 8; 26].

Историческое сознание способствует становлению этнической идентичности. Эта задача осуществляется путем произвольной выборки фактов прошлого и их пристрастного истолкования ради текущих политических целей. Важно отметить, что историческое сознание становится в данном отношении мифологическим и стихийно (в итоге массовой самоидентификации «простых людей» на уровне обыденных представлений), и целенаправленно – как результат самоопределения элит этнодвижений и их мобилизации.

Этнополитическая мобилизация – это процесс, с помощью которого этническая группа (реальная или ментальная) использует этнические ценности, мифы и символы как главный ресурс обретения политической либо государственной организации, конструирования общей идентичности (по В.А. Ачкасову и С.А. Бабаеву). Этапами освоения внутренних ресурсов мобилизации выступают: 1) конструирование и мобилизация «народности»; 2) политизация этнического наследия; 3) этническое «очищение» от якобы чуждых иноэтнических либо общемировых ценностей [2, с. 60–63].

Обыденное массовое сознание включает в себя комплекс традиционных знаний, представлений, отношений к реальности, ценностей, а также мнений и настроений по текущим вопросам политики. Иными словами, массовое сознание состоит из двух компонентов: инерционных долгосрочных и динамичных краткосрочных. Массовое сознание имеет такие «родовые» черты, как структурная неопределенность, противоречивость оценок реальности, эмоциональность, стихийность и одновременно беззащитность перед манипуляциями пропаганды. Ядро массового обыденного сознания – мифология. Миф воспринимается на уровне чувств, эмоций, подсознательных и бессознательных желаний. Как полагает В. Полосин, политический миф включает в себя компоненты: 1) архетип – многократно возникающий в общественной жизни и запечатленный в менталитете алгоритм развития; 2) смысл, эмпирически созданный в общественных традициях; 3) система образов-символов, «переводящих» рациональный опыт истории «на язык» мифов [25, с. 47].

В итоге мифы создают и поддерживают коллективные идентичности, в нашем случае – региональные и этнополитические. Тем самым мифы облегчают создание привлекательной «картины мира», компенсируют возможный стыд перед своим провинциализмом.

В.А. Ачкасова выделяет 3 направления мифологизации массового сознания [3, с. 75–77]. Во-первых, человек теряет личную идентичность, «растворяется» в своей группе и начинает враждебно относиться ко всей внешней среде. Именно этнические и религиозные признаки человека легче и быстрее всего подвергаются такой активизации.

Во-вторых, представления о причинах и ходе политических процессов становятся персонализированными. Создаются образы идеального героя-вождя и столь же идеального «своего сообщества». Им противопоставлен образ врага – носителя абсолютного зла.

В-третьих, восприятие пространства и времени становится локальным и циклическим. Настоящее выглядит как слабое напоминание о «золотом веке» героев прошлого. Территория сообщества наделяется священными чертами, а часто даже «сочиняется» благодаря произвольному объяснению исторических факторов.

На другом, рациональном, уровне сознания мобилизация проявляется в концепциях профессиональных историков, этнологов, политиков. Многие исследователи на постсоветском пространстве подтверждают на своем горьком примере предупреждение Э. Хобсбаума: «Ни один серьезный историк... не может быть завязанным политическим националистом», так как «национализм требует слишком большой веры в то, что явно не существует». Следовать национализму – «значит иметь неверное представление о своем прошлом» [29, с. 37–38].

Авторы системного исследования «Национальные истории в советском и постсоветском государствах» под редакцией К. Аймермахера и Г.А. Бордюгова (1999 г.) выявили некоторые общие закономерности этномобилизации в исторической науке в странах СНГ. Историческое прошлое «переписывается» по шаблону, возвеличиваю-

щему нынешние национальные государства или регионы. Идет переписывание фактов прошлого для того, чтобы сконструировать «великие традиции предков» современных (на самом деле подчас «молодых» этносов). Л.С. Гатагова пишет о историках Республик Северного Кавказа, что их «свобода от партийной цензуры обернулась несвободой теперь уже от национальных элит» [23, с. 266]. К. Аймермахер и Г.А. Бордюгов выделяют некоторые направления такого «творчества» – «удревнение» своего народа, героизацию, завышение уровня развития, сосредоточенность на конфликтах с соседями-иноверцами [23, с. 13–14]. Рецензент данной монографии О.Г. Буховец особо выделяет по бесцеремонности созданные мифы о том, что балкарцы и карачаевцы – «наследники» Шумера, адыги – потомки шумеров и хеттов, вайнахи – древних египтян и этрусков, осетины – индоариев, половцы (кыпчаки) якобы были предками... казаков и даже немцев. Наибольший простор для фантастических сочинений дает древняя история и, как ни парадоксально, история советского периода [7, с. 153–154].

Какова же региональная специфика этнополитической мобилизации на Юге России в аспекте исторического сознания? Юг России – регион с преобладанием корпоративных и умеренно-консервативных ориентаций политической культуры. Его идентичность была ярко выраженной даже в советский период, в том числе в славянских областях с былыми казачьими традициями [22, с. 252–330; 5, с. 267–312]. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением И. Малякина [18, с. 110–111], который полагает, что у краев и областей России к распаду СССР не было своего «мифогенного потенциала». Им якобы в лучшем случае приходилось опираться «на крайне скудный багаж региональной мифологии советского периода, как правило, не укорененной глубоко в массовом сознании и имевшей официально-парадный характер». На наш взгляд, приведенная цитата близка к истине только применительно к «молодым» регионам Сибири и с натяжкой – в случае Центра Европейской России. Напротив, Дон, Кубань, Нижнее Поволжье имеют глубоко укорененную в дореволюционной политической традиции систему региональных ценностей и мифов.

Пространство Юга России достаточно резко делится на два социокультурных сегмента, качественно разнотипных и все же единых политически: с преобладанием славянского населения (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье, Черноморское побережье, Нижнее Поволжье) и с преобладанием автохтонных народов Северного Кавказа (республики в составе РФ). Определенной контактной зоной, пограничным «микстом» выступают нынешняя территория Адыгеи и ряд городских лакун в Республиках (Владикавказ, Каспийск, Кизляр).

Для первого ареала роль базовых стереотипов исторического сознания играют следующие утверждения:

- извечное тяготение восточнославянского мира к Причерноморью и русское присутствие в нем (акцентируемые события: Тьмутараканское княжество, разгром Хазарии, женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне и т.д.);
- противостояние «леса» и «степи», земледельцев и кочевников;
- разрушительность влияния Османской империи и Персии на Кавказе;
- цивилизующая и умиротворяющая роль Российской империи на Юге страны, своего рода культургрегерство;
- роль казачества как «держателей щита» на рубеже света и тьмы, России и Востока [19].

Данная расстановка смысловых акцентов не случайна. Она закрепляет в массовом сознании общероссийскую идентичность, которая особенно остро и «интимно» воспринимается в условиях пограничного и нестабильного региона. Политологи давно осмыслили феномен имперства и традиционализма военных окраин цивилизационных ареалов (Д. Бурстин, Д. Элазар). Применительно к истории России этот феномен глубоко исследован М.К. Любавским, Н.М. Ядринцевым, а на современном материале Юга страны – Е.В. Морозовой, О.В. Матвеевым, В.А. Колосовым и А.Д. Криндачем [12; 16; 19; 22; 30].

Одновременно и благодаря имперству, как ни парадоксально это звучит, стереотипы исторического сознания русских Юга носят подчеркнуто регионалистский характер. Это двойная идентичность («мы вместе с Россией» вместо «мы – Россия»), москвоборчество и автономизм, апология казачества как носителя смыслового ядра культуры [13; 15].

Стереотипы исторического сознания в ареале Республик Северного Кавказа носят более традиционалистский и однородный, чем в краях и областях региона, характер. На глубинном уровне это объяснимо циклическим ритмом исторического времени и социокультурных изменений. Сознание в республиках региона относительно более целостно и ценностно, а не расколото и прагматично. Из данных черт ментальности следуют наблюдаемые эмпирически стереотипы исторической памяти:

- идея мифической «северокавказской цивилизации», игравшей весомую роль в мировой политике и этнически родственной первичным цивилизациям Шумера, Вавилона, Египта и т.д.;

- модель «потерянного рая» – общества до российского завоевания Кавказа «огнем и мечом»;

- восприятие Кавказской войны и имамата Шамиля как ориентиров национально-исторического возрождения;

- акцентирование конфликтных аспектов и проявлений в противоречивой системе отношений между Россией и политическими образованиями региона;

- умолчание о мозаичности и цивилизационной неоднородности Северного Кавказа, конструирование мифа о дуальной оппозиции «Россия – весь Кавказ» [4; 11; 24].

Следует подчеркнуть, что упомянутая тенденция не является единственной и господствующей, а тем более повсеместной в исторической науке и публицистике Республик региона. Документально обоснованные и толерантные оценки исторических традиций даны в многочисленных работах Б.М. Джимова, М.М. Блиева и В.В. Дегоева, М.Ф. Куракеевой, Т.П. Хлыниной, С.И. Аккиевой и других исследователей [1; 6; 10; 14; 28]. Роль идет не об оценке персональных взглядов, а о смысле «основного русла» развития историографии, которое поощряется и направляется курсом региональных властвующих элит.

На наш взгляд, императивы национальной безопасности и территориальной целостности России ставят неотложную задачу перед научными сообществами и СМИ, формирующими в немалой мере историческое сознание, – поддерживать интеграцию историко-этнических представлений, преодолевать «замыкание» в кругу конфликтных застарелых претензий. Это требует целенаправленной и скоординированной деятельности по созданию приоритетных ценностей: мира, межэтнического согласия, взаимного уважения и признания равного достоинства каждого этноса. Данная работа должна стать одним из направлений государственной политики формирования общероссийской гражданской идентичности.

Библиографический список

1. *Аккиева, С. И.* Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской Республике (постсоветский период) [Текст] / С. И. Аккиева. – М., 2002.
2. *Ачкасов, В. А.* «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России [Текст] / В. А. Ачкасов, С. А. Бабаев. – СПб., 2000.
3. *Ачкасова, В. А.* Региональный политический ландшафт России: столкновение интересов [Текст] / В. А. Ачкасова. – СПб., 2002.
4. *Байрамкулов, А. М.* И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев [Текст] / А. М. Байрамкулов. – Ставрополь, 1998.
5. *Баранов, А. В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики [Текст] / А. В. Баранов. – Краснодар, 1999.
6. *Блиев, М. М.* Кавказская война [Текст] / М. М. Блиев, В. В. Дегоев. – М., 1994.
7. *Буховец, О. Г.* Клио на пороге XXI века: искушение национализмом... [Текст] / О. Г. Буховец // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 147–158.

8. *Гатагова, Л. С.* Чему мы учим [Текст] / Л. С. Гатагова // Родина. – 2000. – № 1–2. – С. 203–206.
9. *Губогло, М. Н.* Языки этнической мобилизации [Текст] / М. Н. Губогло. – М., 1998.
10. *Джимов, М. М.* Адыги в XX веке [Текст] / М. М. Джимов // Гуманитарная наука Юга России в XX веке. – Краснодар, 2000. – С. 82–86.
11. *Донного, Х.-М.* Сказание о Шамиле [Текст] / Х.-М. Донного. – Махачкала, 1997.
12. *Колосов, В. А.* Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России [Текст] / В. А. Колосов, А. Д. Криндач // Полис. – 1994. – № 6.
13. *Корень, Р. В.* Азбука возрождения казачества [Текст] / Р. В. Корень, Н. Н. Горельченко. – Ставрополь, 1998.
14. *Куракеева, М. Ф.* Казаки Верхней Кубани и Зеленчуков [Текст] / М. Ф. Куракеева. – Черкесск, 1994.
15. *Куцев, Г.* Этническая история казачества [Текст] / Г. Куцев. – Краснодар, 1996.
16. *Любовский, М. К.* Очерк русской колонизации с древнейших времен и до конца XX в. [Текст] / М. К. Любовский. – М., 1996.
17. *Люхтерхандт, Г. М.* Политика и культура в российской провинции [Текст] / Г. М. Люхтерхандт, С. И. Рыженков, А. С. Кузьмин. – М. – СПб., 2001.
18. *Малякин, И.* Российская региональная мифология: три возраста [Текст] / И. Малякин // Pro et Contra. – 2002. – № 3. – С. 109–122.
19. *Матвеев, О. В.* Враги, союзники, соседи: Этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков [Текст] / О. В. Матвеев. – Краснодар, 2002.
20. *Мейберн-Льюис, Д.* Демократия, тоталитаризм и этнический шлюриализм [Текст] / Д. Мейберн-Льюис // Расы и народы. – М., 1997. – Вып. 24.
21. *Мелешкина, Е. Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства [Текст] / Е. Ю. Мелешкина // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М., 1999.
22. *Морозова, Е. В.* Региональная политическая культура [Текст] / Е. В. Морозова. – Краснодар, 1998.
23. *Национальные истории в советском и постсоветском государствах [Текст] / под ред. К. Аймермахера и Г. Бордогова. – М., 1999.*
24. *Половинкина, Т. В.* Черкессия – боль моя [Текст] / Т. В. Половинкина. – Майкоп, 1999.
25. *Полосин, В.* Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии [Текст] / В. Полосин. – М., 1999.
26. *Савва, М. В.* Мифоидеологемы – знамена сепаратизма [Текст] / М. В. Савва // Вестник Евразии. – 2001. – № 3. – С. 86–107.
27. *Сорокин, П. А.* Система социологии [Текст] / П. А. Сорокин. – М., 1993. – Т. 2.
28. *Хлынина, Т. П.* Становление советской государственности у народов Северного Кавказа [Текст] / Т. П. Хлынина // 1917–1937 гг.: проблемы историографии. – М., 2003.
29. *Хобсбаум, Э.* Введение к книге «Нации и национализм после 1780 г.: Программа, миф, реальность» [Текст] / Э. Хобсбаум // Современные методы преподавания новейшей истории. – М., 1996.
30. *Ядринцев, Н. М.* Собрание сочинений [Текст] / Н. М. Ядринцев : в 2 т. – Тюмень, 2000.
31. *Jenkins, C.* Resource Mobilization: Theory and the Study of Social Movement [Text] / C. Jenkins // Annual Review Social. – 1983. – Vol. 9.
32. *Marks, G.* Territorial Identities in the European Union [Text] / G. Marks // Regional Integration and Democracy: Expanding on the European Experience. – Lanham – Boulder – New York – Oxford, 1999. – P. 69–91.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ 1920-х гг.

**С.В. Виноградов
(Россия, г. Астрахань)**

Аннотация. Проанализированы статистические материалы местной научной печати времен НЭПа, посвященные анализу состояния рыбной промышленности Астраханского края. Автор приходит к выводу о том, что в местной печати со-